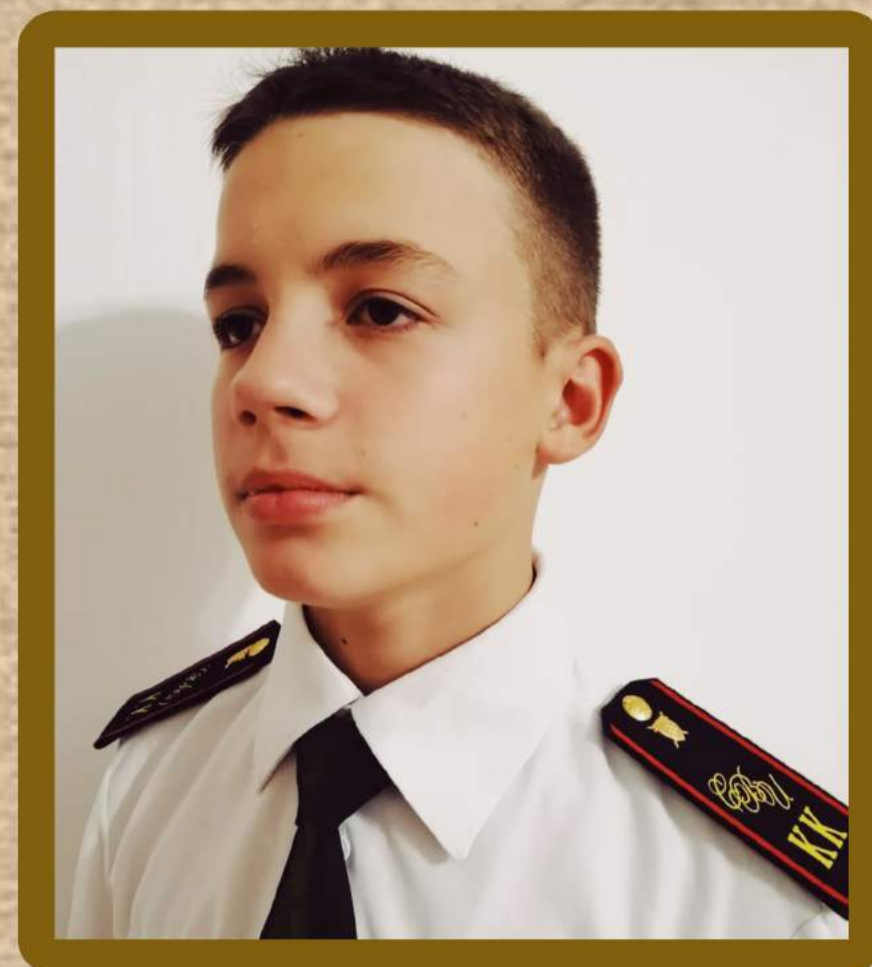

**Владислав Жданько
кадет 81 взвода
(8-А класса)**

Листая семейный альбом...

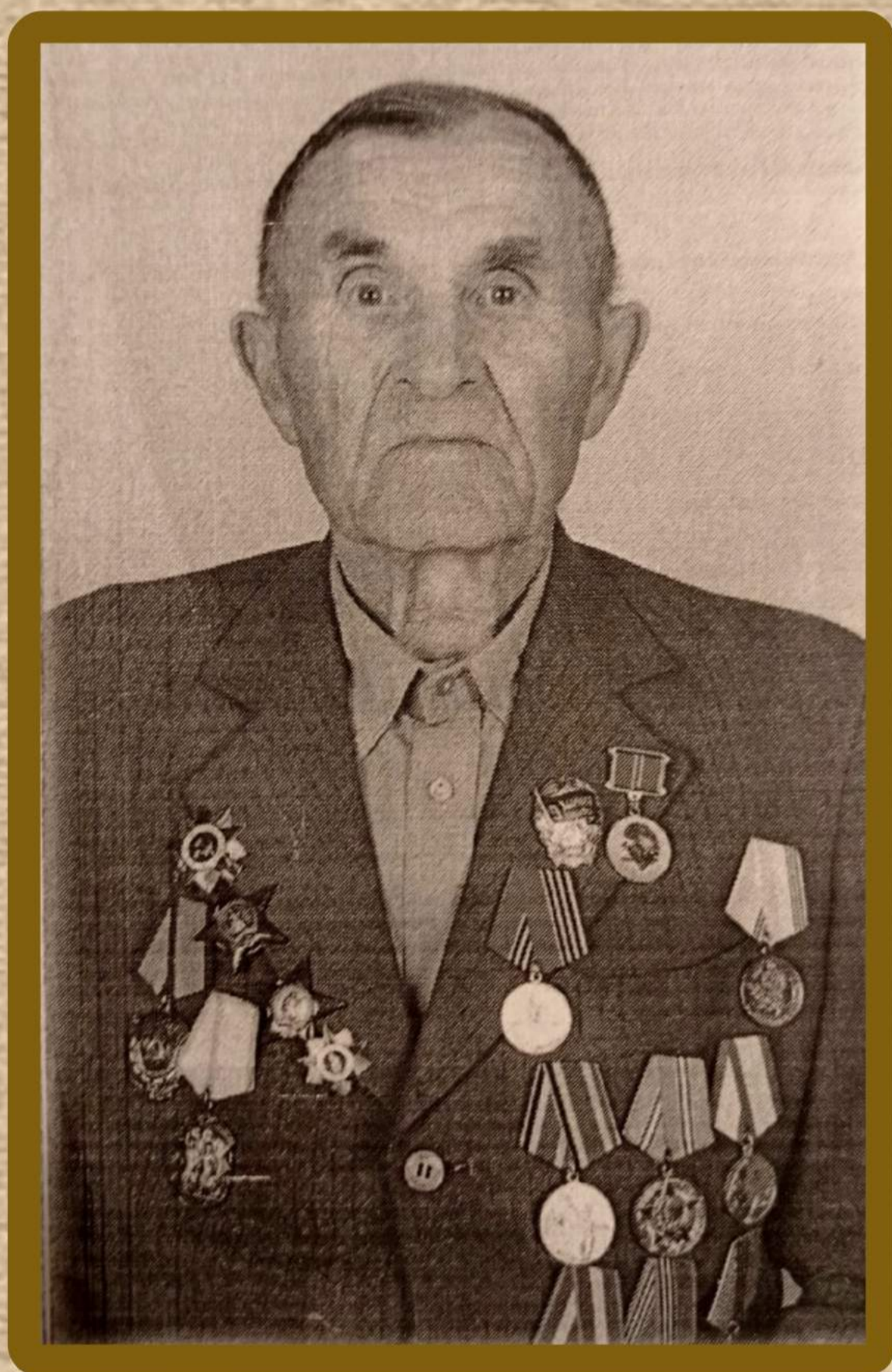
**Нас двадцать миллионов
От неизвестных и до знаменитых,
Сразить которых годы не вольны,
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Нет, не исчезли мы в кромешном дыме,
Где путь, как на вершину, был не прям.
Еще мы женам снимся молодыми,
И мальчиками снимся матерям.
А в День Победы сходим с пьедесталов,
И в окнах свет покуда не погас
Мы все от рядовых до генералов
Находимся незримо среди вас.
(Расул Гамзатов)**

Что такое война? Это время, когда люди борются за свое существование, за то, чтобы в стране был мир, за то, чтобы не чувствовать себя рабами, в которых хотели нас превратить немецкие захватчики.

Война - это горе миллионов детей, не познавших радости детства, это голод и разруха, это слезы матерей и отцов. Судьбами людей, от солдата до маршала, от десятилетнего мальчишки, стоящего у станка, до старика, рывшего окопы, складывалась история Великой Победы нашего народа в тяжелой Великой Отечественной войне.

Именно так я решил начать рассказ об истории жизни моего прадедушки - Жданько Романа Дмитриевича. Он родился 14 октября 1918 года в селе Решёты Кочковского района Алтайского края в крестьянской семье. Его отец, Дмитрий Кондратьевич, и мать, Матрена Павловна, родились в один год, в 1875, жили, по тем меркам, зажиточно. Конечно, мне сейчас трудно оценить размеры их достатка, потому что, в наше время, другие ценности другое понимание степени зажиточности. Но если вернуться в то время, то у них было своё хозяйство, и лошадь, и корова.

В их семье, помимо моего прадеда, были ещё два брата и младшая сестра, но, к сожалению, она умерла в раннем возрасте. Все дети были приучены к тяжёлой работе, потому что прапрадед был строг, впрочем, как и полагается главе семейства.

Братья моего прадедушки часто болели, и помощь родителям ложилась на его плечи, в связи с чем он окончил всего четыре класса и вынужден был оставить школу. В его обязанности вменялась помощь в содержании домашнего хозяйства, но, как любой ребенок, он шалил, часто убегал дурачиться с ребятами на озеро, за что потом получал «по шее».

Опять-таки из-за постоянных болезней братьев семья была вынуждена переехать в более теплые края. Выбран был Джамбул. Самое тяжёлое во всём этом было то, что родителям пришлось начать всё с нуля в вопросе обзаведения хозяйством: от приобретения коровы, выращивания свиней и кур, разработки земли под огород до строительства дома. И все это тоже ложилось на молодые плечи моего прадедушки. Параллельно он ухитрился окончить школу трактористов, да ещё и устроился работать по специальности.

Безусловно, Дмитрий Кондратьевич и Матрена Павловна прикладывали все усилия для того, чтобы у детей было детство, чтобы они учились в школе и, самое главное, чтобы у них было здоровье. Так все и получалось. Тридцатого октября тысяча девятьсот тридцать восьмого года моего прадеда призвали в Красную Армию, где он выучился на водителя, и демобилизовавшись, в конце апреля 1941 года, вернулся в Джамбул, устроился работать водителем на автомобиле ГАЗ-АА. Прадедушка был серьезен не по годам, думал о будущей жизни, строил планы, когда 20 июня 1941 года его мобилизовали Джамбульским Районным Военным Комиссариатом Казахской Советской Социалистической Республики. Его и других ребят посадили на поезд. Никто не понимал всей серьезности ситуации.

Когда поезд приближался к Твери (тогда это был город Калинин) им сообщили о том, что началась война.

Так, мой прадедушка начал свой боевой путь. Он шёл с западной границы нашей Родины, отступал вместе с Красной Армией до окраин Москвы и закончил этот путь в Берлине.

Его можно было уговорить, чтобы он рассказал историю о том времени, но он редко делился своими воспоминаниями. Сегодня я попытаюсь воссоздать некоторые из них.

«...Была такая Корсунь-Шевченковская операция. Ох, тяжело мне вспоминать...Во время зимнего наступления в танках было очень холодно,

а во время боя мы все потели. Немецкие «Пантеры» хотя и были покрашены в белый цвет, но, на земле, взрытой взрывами от снарядов, и от злости на них, кричавшей в наших сердцах, мы могли их видеть даже ночью...

Немцы стали нас окружать. Командир бросил дымовую шашку. Тем не менее, танк наш подбили. Вылез я из машины и пополз по направлению к кустарнику, как вдруг меня осколками снаряда ранило в обе ноги. Немцы пошли в атаку. Приготовившись к последнему бою, я взял в руки гранату, думая, что меня окружают немцы, и я взорву ее. И вдруг послышались залпы «Катюш», и немцы начали отступать. Перестрелка всё продолжалась. Было очень холодно, и я думал - замерзну. Услышав рядом какой-то шорох, приготовил гранату. Вдруг кто-то закричал: «Ты живой?» «Живой, живой», - чуть слышно ответил я. Солдат взвалил меня на плечи и понес. Вокруг засвистели пули. Тогда он, пригнувшись, стал тащить меня волоком. Очнулся я в полевом госпитале. Так судьба уберегла меня от гибели.

Курская дуга ещё страшнее была. Вот мы на Курской дуге. Первый бой. Жутко видеть колонны идущих на тебя танков, под названием «Тигр» и «Пантера» с крестами и свастикой. Мы, конечно, ударили по ближнему вражескому танку из орудия, тот сразу и загорелся. Мы воспрянули! Пулеметы закончили дело, расстреляв экипаж, который покидал горящую машину. А для нас же главная задача какая? Верно, в горячке боя не подставить врагу свой борт. Как подставишь, тогда всё - пропал! И вот броня нашего танка накалилась, а тут еще стреляные гильзы падают, часть пороха в башне. Дышать нечем, два вентилятора едва успевают дым разгонять. Мы бьем, и по нам стреляют. Тут уж многое зависит от механика - водителя. На поле все больше горящих танков - вражеских и наших. Горят трупы, в остальных танках рвутся снаряды. От этих взрывов башни весом восемь тонн отлетают нам за несколько метров, как фанерные. Командир кричит: «Фердинанд» слева!» Командует мне как механику-водителю: «дорожка», а башенному - выстрел! И горит вражеское чудовище. И тут по нашему танку долбануло так, что мы все оглохли и в глазах потемнело.

Я посмотрел на командира и вижу, он сидит еле шевелит губами, понять ничего не могу. Смотрю в триплекс - ствола у нашего танка нет, снарядом снесло, башню заклинило, не поворачивается. ...Кое-как добрались до своих. Посмотрели на свою изуродованную машину, погоревали. Но потом увидели, что ни одни мы такие вышли из боя. Самое главное, что горят немцы, горят...»

Я не очень много знал о танках и попроси прадедушку рассказать о них подробнее.

«Ну, слушай», - ответил дедушка. - К началу войны у Красной Армии на вооружении стояло несколько тысяч танков, из них около тысячи Т-34. Нас в экипаже танка было четверо, я - механик водитель, командир танка, стрелок-радист и наводчик. Это была отличная команда, такая же, как и наша машина, быстрая и легкая, немцы боялись нас, а пехота, увидев этот танк, знала, что наш! Это была наша «Русская крепость».

Однако через два месяца в следующей, Витебской операции, успех достигнут не был. Однажды брали небольшой городок, речка рядом, от домов спуск к мосту. По радиации нам сообщили, что мост заминирован. Немцы стреляли по нашей колонне. Я въехал во двор, оттуда к берегу речки. Развернулся и застрял в мягком грунте. Пришлось вытаскивать танк, подложив под гусеницы шпалы. Только мы вытащили танк, как немцы его подбили. Наши пехотинцы вытащили меня из машины, ели спасли, до сих пор не верится, как удалось выжить, каким-то чудом спасла меня судьба во второй раз...

При продолжении наступления, северо-восточнее Орши, в июне был подбит мой третий танк, а было это так...Оставшимся в батальоне шести танкам была поставлена задача: овладеть деревней Соловьи, что находится в четырех километрах от исходной позиции. В ней, предположительно, размещался штаб немецкой части. Деревня эта расположена с левой стороны от дороги, по которой мы должны проехать те самые четыре километра. Нас предупредили, что справа от этой дороги

находится то ли батарея, то ли танки противника, и что оттуда можно ждать неприятностей. Танкам было приказано двигаться по дороге, не сворачивая (во избежание возможных мин), походной колонной с интервалом 150-200 метров, с максимальной скоростью движения. При обнаружении противника справа - подавлять его огнём из орудий. Ну и поехали мы, с ветерком. Моя машина была третьей в колонне. Проехав километра полтора-два, вижу, что идущая впереди машина, стреляя, берет влево и обходит головную, которая остановилась. Проехав еще, с километр, замечаю, что идущая впереди машина замедляет ход и останавливается. Соображаю, что с ней что-то случилось, и мне ее надо объезжать слева, поскольку мы все были предупреждены, что по нам будут бить справа. Значит, обходя подбитый танк слева я на какие-то секунды скроюсь от противника. Одновременно слышу, что заговорило и мое орудие, значит командир танка засек огневые точки противника. И тут, как назло, вижу, что мне дорогу переползает раненный механик-водитель второй в колонне машины. Сворачивать некуда и некогда. Ну, думаю, была, не была! И проскочил! Потом, на исходном, встретились мы и он сказал, что моя левая гусеница прошла в 10-ти сантиметрах от его ступни. Так вот, проскочив второй подбитый танк, понимаю - теперь я головной, теперь моя очередь. А до деревни осталось километра полтора. Ехал, как всегда, с открытым лобовым люком. Метров через 400-500 болванка ударила справа по открытой крышке люка. Меня оглушило и временно контузило. На какое-то мгновение потерял сознание и стал валиться на спинку сидения водителя. Однако сразу же очнулся и только успел увидеть мелькнувшие в лобовом люке сапоги моего радиста. Придя в себя, обнаружил, что осколком мне перебило рычаг управления левым фрикционом, раздробило голеностопный сустав левой ноги и осколками задело поясничную область (этот осколок в спине, так и остался у моего прадедушки до самой смерти). Выбравшись из танка, сразу же переполз на правую сторону дороги, в придорожный кювет. Выглянув из кювета, посмотрел на свой танк, в башне была дыра от снаряда...как потом выяснилось, наш командир и заряжающий погибли.

Я снял сапог, кое-как перевязал рану бинтом из индивидуального пакета, да и пополз по кювету в сторону исходной позиции. Кювет и прилегающие к нему поле заросли травой, ползти через нее, волоча ногу, было трудно. Продвинувшись таким образом на 400-500 метров, услышал внезапно немецкий разговор. Приблизившись еще метров на десять, сквозь траву увидел, что к дороге, по которой мы ехали, с обеих сторон примыкает окоп и в нем стоят трое немцев, что-то говорят и смотрят в бинокль в сторону нашей исходной, то есть спиной ко мне. По правде, как есть, почувствовал себя неуютно, один и ранен. Единственное утешение, что в руки живым не попадусь, мой «ТТ» был при мне. Но тут мне повезло, немцы выскочили из окопа и побежали на свои позиции, а я лежал в траве и ждал темноты. Ночью прополз километра полтора, а потом был подобран и доставлен в медсанроту бригадой, в которой я находился до излечения.

Затем я продолжил свой путь...Шёл уже конец декабря сорок третьего года. Как сейчас помню, на часах четыре пополудни, нам только прилетело...Нашу машину жестко подбили: попаданием снаряда были перебиты гусеницы и танк не мог более передвигаться. Спасаясь, командир машины и артиллерист-заряжающий пытались выскочить, но были убиты автоматными очередями и остались висеть в люках башни. Пока я открывал лобовой люк, машину подожгли. Радист-пулеметчик попытался вылезти через открывшийся лобовой люк, но тоже расстрелян и остался в люке. С учетом печальной участи экипажа, мне пришлось выбираться через десантный люк (люк на днище танка). Очень страшно, когда на тебе горит ватник, на который льется горящее топливо!

Выбравшись из танка, я не рискнул сразу выползти из-под него, чтобы не разделить судьбу товарищей, а остался лежать под горящей машиной. Снег под танком и вокруг него таял от жары. Лежа под днищем танка, я в первую очередь потушил горящий ватник и начал ворочаться с боку на бок: сверху - горячо от раскаленного днища, снизу - холодно и мокро. Хорошо еще, что в ходе боя почти полностью были израсходованы как бензин, так, в особенности и боекомплект. Провалившись так больше часа, заметил, начало смеркаться, да и стрельба прекратилась. Вылез я из-под танка и по следу своей гусеницы, вдавленной в снег, пополз в сторону наших исходных позиций.

Полз долго, уже в полубессознательном состоянии был подобран нашими пехотинцами и с их помощью отправлен в госпиталь. В результате попал не только с ожогами рук, груди, но и с воспалением легких, к тому же, к несчастью, заразился тифом, как мне сказали врачи. Меня поместили в изолятор с высокой температурой, сделали операцию, уколы облегчения не приносили. Но на мое счастье в госпиталь прибыла какая-то комиссия. Меня осмотрели и срочно отправили в другой госпиталь. И выяснилось, что предыдущая операция была сделана не совсем удачно. И никакого тифа у меня не было, а начиналась гангрена, так благодаря этой комиссии и знающим врачам, я остался жив. Разве это не чудо?» - делится воспоминаниями прадед.

Закончилась война. Прадед уехал к родным в Казахстан. Но дома, его никто кроме матери не ждал, на него пришла телеграмма: «пропал без вести»... и только материнское сердце подсказывало, что сын жив.

Летом 1946 года моя прабабушка встретила гадалку, которая нагадала ей будущего мужа - израненного военного. Спустя шесть дней так и случилось. Они встретились в парке, в Джамбуле, и прожили вместе более 65 лет.

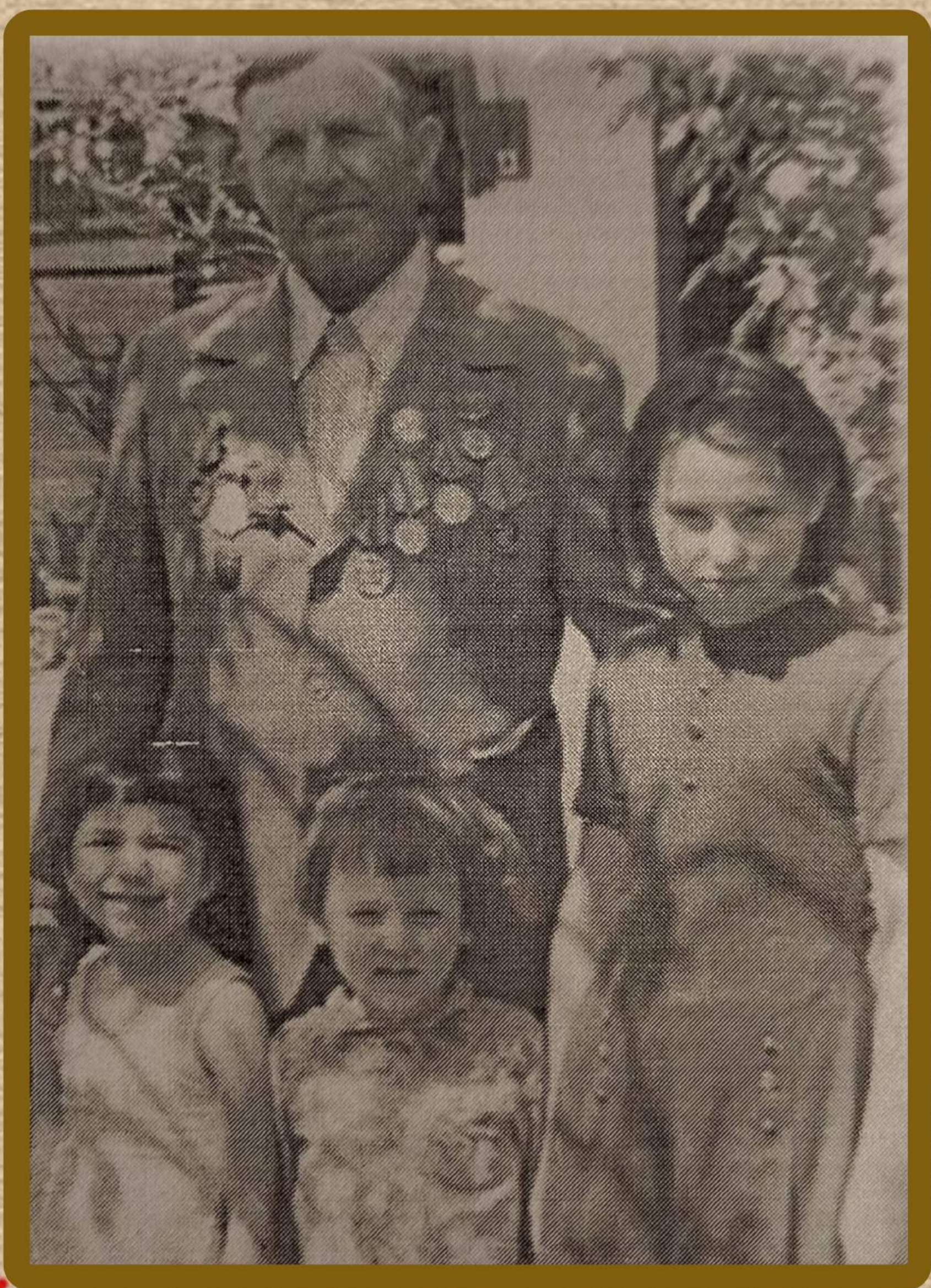
Прадедушка сразу устроился на работу водителем. Вместе с семьёй, двумя дочерьми и сыном, приезжал в отпуск в город Майкоп к знакомым. Город и люди очень нравились супругам, поэтому в 1977 году они переехали. Дедушка начал работать водителем в «Водоканале». Проработал он там до августа 1991 года.

Для всех россиян 9 мая это великий праздник, но для прадедушки - человека который преодолел все тяготы этой тяжёлой Отечественной Войны, который лицом к лицу сражался на полях битв с немецким захватчиком, который, не взирая на ранения, снова и снова возвращался на поле боя, он был - Святой, Священный день памяти и скорби, радости и счастья....

Из года в год, от Дня Победы 1945-го и до последнего вздоха, Роман Дмитриевич, как часовой, всегда встречал этот праздник в кругу соратников и однополчан! Но, к сожалению, мой дедушка не дожил до знаменательной даты, 75-летия Великой Победы над фашистской Германией.

Он умер в 2014 году, в возрасте 96-ти лет. И до конца своих дней он помнил каждое мгновение, прожитое им на войне, и цену каждой награды, а их у него было немало.

Прадедушка награжден

двумя орденами «Красной Звезды». Первый за то, что в первые дни боя подбил два немецких танка, но вскоре он был ранен и отправлен в госпиталь. Второй за смелость и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами, не жалея крови и жизни, ведя свой танк умело и решительно маневрируя как на поле боя, так и в кварталах, в горных условиях. Ведя огонь из пулемета, он лично уничтожил 22 солдата противника, а гусеницами додавил два пулеметных объекта и три блиндажа. Также он был награжден орденами «Отечественной Войны» и «Трудового Красного Знамени», «Знаком почета», медалями «За взятие Берлина», «За доблестный труд». Кроме того, прадед гордо носил звание «Ветеран труда». Юбилейных медалей, которыми награждали в честь круглых дат, к созданию Красной Армии и в последствии переименованных в Вооруженные Силы СССР, было не счесть.

Я и мои близкие всегда будем помнить, как жил наш прадедусшка, и мы всегда будем помнить о том, что не только он, но и весь советский народ поднялся на борьбу с немецкими оккупантами, мы всегда будем помнить бессмертный полк, благодаря которому сейчас живем и радуемся! Я горд тем, что мой прадедусшка Жданько Роман Дмитриевич и я ношу его фамилию!

